

Он наклонился к маленькой девочке и прижался щекой к ее нежной, мягкой ладошке.

Ли Цяньхуа застыла в растерянности; чужая рука мягко направляла ее пальцы, медленно скользившие по чему-то теплomu и живому.

Сердце забилося быстрее, к глазам подступила жгучая влага.

Ресницы уже намокли от слез.

Ли Цяньхуа сама потянулась вперед, чтобы коснуться стоявшего перед ней человека, чтобы «увидеть» его лицо кончиками пальцев.

Она чувствовала, что это лицо. Ее пальцы легко скользили по нему: сначала нежная кожа, брови, глазницы, потом прямая переносица и наконец мягкие губы.

Сладкий персиковый аромат окутывал ее; в воображении проступали черты лица, а теплое дыхание касалось тыльной стороны ладони – знак жизни.

Следовавший за ними оператор быстро и бесшумно наехал камерой.

Солнечный свет, пробиваясь сквозь облака, заливал их обоих. Вэнь Яньюй смотрел на стоящую перед ним девочку, и в его темнеющих глазах переливались чувства, которые невозможно было ни описать, ни понять.

В них словно читалась нежность – та привязанность, что старший испытывает к младшему, – и в то же время печаль человека, запертого в той же клетке и читающего ту же полную безысходности трагедию.

Солнечное сияние смешивалось с влажным блеском в глубине его глаз, и нельзя было разобрать, где свет, а где непролитые слезы...

Сердце пропустило удар.

Дуань Муфэн вздрогнул, словно очнувшись ото сна.

Он тут же отвел взгляд в сторону.

Изображение в кадре было предельно четким.

В этот миг ни Дуань Муфэн, ни зрители в чате прямой трансляции не проронили ни слова.

После краткого затишья чат взорвался комментариями.

[Коснись моего лица, раз не можешь меня увидеть – почувствуй, что я существую! Я сейчас расплачусь! Честное слово, расплачусь! У-у-у!]

[Папочка, может, хватит бегать за этим парнем из семьи Фу? Обрати внимание на меня, я тоже весьма богата. согласишься – и я тут же повезу тебя за границу оформлять свидетельство.]

[Честно говоря, он неплохой человек. Кроме любовных похждений, за ним никакого криминала нет. Он просто наделал глупостей в личной жизни и сам себя загнал в могилу.]

[Я... меня реально бомбит. После всей этой его серии приемчиков я уже просто не могу сдерживаться, у-у-у. Он покорила меня.]

[Я и раньше хотела сказать, что Вэнь Яньюй очень похож на нежную мамочку. Тот сердитый мальчишка, который несколько раз вредничал, – Вэнь Яньюй его постоянно успокаивал. И Сяохуа, которую наверняка третировали из-за проблем с глазами... многие родители не обращают внимания на эмоции детей, а Вэнь Яньюй все время следил за ее настроением.]

[Точно. И он не стал игнорировать других детей ради Сяохуа, а еще и вовлекал ее в игры с ними.]

[А еще несколько застенчивых малышей – он и их не обделил вниманием, каждой заплел красивые косички. Что это за идеальная мамочка? Я в шоке.]

[Мой малыш всегда был таким по характеру, это раньше он словно был одержим, у-у-у. Малыш, если ты сможешь исправиться, мамочка будет и дальше тебя поддерживать и накручивать тебе просмотры, у-у-у.]

Ли Цяньхуа тихонько всхлипнула и наконец не выдержала – тихо заплакала.

С тех пор как ушла мама, она не проронила ни слезинки, вела себя послушно, никому не доставляла хлопот и ни к кому не ласкалась.

В деревне много детей без родителей, она не была особенной, да и не должна была становиться таковой. Она знала, что ее трудно полюбить.

Она не умела льстить и не могла угождать взрослым.

Она не знала, что принесет ей будущее.

Не знала, сможет ли когда-нибудь снова увидеть свет.

И понимала, что шоколад когда-нибудь кончится, и тот, кто ей его дал, не останется с ней навсегда. Но прямо сейчас...

Вэнь Яньюй прижимал Ли Цяньхуа к себе и тихонько утешал.

— Ничего, братик знает, что Сяохуа обижена. Поплачешь – и станет легче. Братик здесь, Сяохуа, будь умницей, поплачь у братика на руках.

— Братик, я не хочу, чтобы меня ненавидели. — Голосок у маленького комочка дрожал, был хриплым и жалобным.

— Мне страшно, я не помню, как выглядит мама. Братик, а-а... я скучаю по маме.

— Мама... мама говорила, чтобы я была сильной, но... кха... — малышка так разволновалась, что закашлялась. Слезы и обида хлынули разом:

— Я... я хочу к маме, братик, я так скучаю по маме.

Казалось, это инстинкт всех детей: в минуты обиды, боли или даже перед лицом смерти из их уст вырывается зов матери.

Крупные слезы покатались градом, но Ли Цяньхуа, крепко закусив губу, изо всех сил сдерживала плач.

Вэнь Яньюй закрыл глаза и прижал к себе мягкий комочек; в его мыслях промелькнул образ

сестры, чьи черты он давно позабыл.

«Я тоже не помню».

Как слова, стертые из-за программной ошибки, – он не помнил никого из своей живой, настоящей семьи.

— Все хорошо, Сяохуа не обязана всегда быть сильной. Никто не говорил, что мы должны быть сильными постоянно. Когда нам плохо и обидно, мы можем быть слабыми и можем плакать. Хочется плакать – поплачь у братика на груди.

Вэнь Яньюй размеренно и бережно похлопывал девочку по спине; его голос звучал легко и неторопливо.

Ли Цяньхуа крепко вцепилась в рукав юноши и наконец дала волю чувствам, заливаясь горькими слезами так, что слезы и сопли смешались в сплошное месиво.

И неизвестно, было ли тому виной только отобранная конфета, или что-то еще.

Вэнь Яньюй опустил ресницы, достал из кармана платок и вытер лицо девочки.

Шоколад когда-нибудь кончится. Сладость, которую она ощущала в жизни, была лишь такой вот мимолетной крохой.

Она не хотела сталкиваться с горечью потери того, что однажды обрела, но все равно не могла не тянуться к этим ощущениям.

Она впитывала всю красоту и сладость, чтобы разбавить ими неведомые грядущие беды.

Когда малышка наконец, всхлипывая, выплакалась, Вэнь Яньюй снова взял ее за руку и повел по деревенской улочке, давая ей касаться встречающихся на пути цветов и всего живого.

Ли Цяньхуа крепко держалась за теплую ладонь. Она не знала, каким окажется ее завтрашний день.

Пройдет очень и очень много времени, она сумеет вырваться из этих гор и вернется в ставшую процветающей «родную деревню», вновь увидит горные реки и ручьи, озера и свет.

Давние болезненные воспоминания и тьма давно сотрутся с годами, и даже тот послеполуденный час померкнет в памяти, но кое-что...

Всегда будет отзываться эхом в глубине ее сердца.

[Вообще-то... по-моему, он довольно хороший человек.]

[Признаю, поначалу я судила предвзято, думала, что он какой-то женоподобный гей, который ищет спонсора. Но на деле он совсем не такой, как о нем пишут в интернете. После нескольких дней просмотра ощущение такое – нежный Зайка, что я готова продать соседнюю провинцию, чтобы забрать его домой и холить.]

[? Учитель, вы это]

[Никто не поймет: моему брату было скучно, и он начал смотреть это шоу со мной. И вот я вижу, как он залипает на то, как Вэнь Яньюй рассказывает истории, при этом слушает и

улыбается! Улыбнувшись, сам себе влепил пощечину! А теперь листает его вейбо. Чёрт возьми! Мой брат что, поехал? Верните мне моего натурала-брата!!]

[У него такой хороший характер, мягкий, ну, правда, немного увядший. Готовит – выглядит аппетитно, кажется очень домашним, еще и отлично рассказывает истории, успокаивает детей, да и сам красавчик. Если убрать любовные скандалы, он идеально подходит в мужья. Слюнки текут.]

[Нежный мальчик-кролик с вайбом жены-хозяйюшки.]

[Я продам все семь своих квартир, чтобы жениться на нем и сделать своим мужем.]

[Ни одной не оставишь, чтобы малышу было где жить? Ну нет, это сразу видно – ненадежный ты человек. Забираю малыша себе.]

Дуань Муфэн следовал за ними обоими.

Вэнь Яньюй как бы невзначай покосился на него; когда их взгляды встретились, Дуань Муфэн тотчас отвел глаза.

В сердце бурным потоком хлынули невыразимые чувства.

Но уже через несколько секунд его взгляд снова неудержимо прикипел к фигуре молодого человека.

На тихой деревенской улице, в отсутствие посторонних звуков, он отчетливо слышал собственное неистовое сердцебиение. Нечто пугающее исподволь прорастало в глубине его сердца.

Вэнь Яньюй шел рядом, они были очень близко. Дуань Муфэн ощущал исходивший от того запах, будоражащий желание; это невероятно утонченное, яркое лицо по-прежнему физически привлекало его.

Однако теперь его взгляд, повинувшись чему-то иному, задерживался на этих полных слез глазах – и уже не мог оторваться.

Он знал, что это значит.

Хотел этому помешать.

Но было слишком поздно.

<http://bllate.org/book/18043/1732304>